

УДК 343.13

**ВОПРОСЫ ТЕОРИИ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДОГОВОРОВ:
ПРОЦЕДУРА ПРЕКРАЩЕНИЯ ДЕЙСТВИЯ**

Илья Степанович Дикарев

Волгоградская академия МВД России, Волгоградский государственный университет,
Волгоград, Россия, iliadikarev@volsu.ru

Аннотация. В настоящее время наиболее перспективным направлением разработки общих положений, составляющих теоретическую основу регулирования уголовно-процессуальных договоров, представляется анализ уже имеющейся регламентации досудебного соглашения о сотрудничестве. Изучение процессуальных особенностей прекращения его действия в ходе досудебного производства, а также складывающейся практики правоприменения дает материал, позволяющий наметить ряд процедурных правил, которые носят универсальный характер и могли бы применяться в будущем при регламентации других видов процессуальных договоров. В ходе исследования механизма реализации досудебного соглашения о сотрудничестве была выявлена особенность процессуальных договоров, заключающаяся в том, что обязательства одной стороны процессуального договора всегда являются первичными, а у другой они носят производный характер. Это отражается на порядке прекращения действия договора: субъект договорного обязательства, являющегося первичным, вправе в любое время отказаться от исполнения соглашения, тогда как аналогичное правомочие второй стороны ограничено. В случае исполнения первичного обязательства производное обязательство трансформируется в процессуальную обязанность, в связи с чем ее исполнение должно быть поставлено под контроль властных субъектов уголовного процесса, включая суд.

Ключевые слова: уголовно-процессуальные акты, процессуальный договор, досудебное соглашение о сотрудничестве, прокурор

Для цитирования: Дикарев И. С. Вопросы теории уголовно-процессуальных договоров: процедура прекращения действия // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 1 (72). С. 82—88.

**THEORY ISSUES OF CRIMINAL PROCEDURAL CONTRACTS:
TERMINATION PROCEDURE**

Iliya Stepanovich Dikarev

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd State University,
Volgograd, Russia, iliadikarev@volsu.ru

Abstract. At present, the most promising direction for the development of general provisions constituting the theoretical basis for the regulation of criminal procedural contracts seems to be the analysis of the existing regulation of the pre-trial cooperation agreement. The study of the procedural peculiarities of its termination in the course of pre-trial proceedings, as well as the existing practice of law enforcement provides material that makes it possible to outline a number of procedural rules that are universal in nature and can be applied in the future, while regulating other types of procedural contracts. In the course of study of the implementation mechanism of the pre-trial cooperation agreement, a peculiarity of procedural contracts was identified, that the obligations of one party to a procedural contract are always primary, while the other party's obligations are derivative in nature. It is reflected in the procedure for termination of the contract: the subject of the primary contractual obligation has the right to refuse the agreement observing at any time, while the same right of the second party is limited. In the case of the primary obligation keeping, the derivative obligation is transformed into a procedural obligation, and its fulfillment should be controlled of the power subjects of criminal procedure, including the court.

Keywords: criminal procedural acts, procedural contract, pre-trial cooperation agreement, prosecutor

For citation: Dikarev I. S. Theory issues of criminal procedural contracts: termination procedure. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 82—88, 2025. (In Russ.).

Одной из предпосылок активизации исследований проблематики договорных отношений в теории уголовного судопроизводства стало введение в уголовно-процессуальное право института особого порядка судебного разбирательства (далее — ОПСР). Объясняется это тем, что в основу ОПСР положено не оформляемое в письменном виде, но фактически имеющее место соглашение между заинтересованным в процессуальной экономии государством, с одной стороны, и добивающимся снижения максимального срока или размера наказания обвиняемым — с другой [1]. Как пишет В. В. Колесник, договор между сторонами как бы существует, но формально не заключается и не оформляется [2].

Тот же договорной механизм использован законодателем и в конструкции другого процессуального института — досудебного соглашения о сотрудничестве (далее — ДСС): взамен на активное содействие стороне обвинения сторона защиты получает возможность рассмотрения уголовного дела в ОПСР, что влечет гарантированное снижение максимального размера или срока наказания. Как верно отмечает Г. В. Абшилава, этот институт стал важным шагом на пути к использованию договорно-правового регулирования уголовно-процессуальных отношений в качестве действенного юридического средства борьбы с наиболее тяжкими преступлениями [3].

Существенной особенностью института ДСС является то, что его нормы предусматривают заключение сторонами письменного соглашения, т. е. вводят в систему уголовно-процессуальных актов принципиально новую для уголовного судопроизводства их разновидность — уголовно-процессуальный договор. Данная новелла, безусловно, носит прогрессивный характер, поскольку открывает новые возможности для установления процессуальных прав и обязанностей сторон на основе их взаимных договоренностей. Для реализации этих возможностей и дальнейшего внедрения в уголовный процесс договорных способов регулирования правоотношений между сторонами требуется разработка теории уголовно-процессуальных договоров. Решение этой задачи в настоящий момент возможно только одним способом: посредством анализа уже имеющейся процессуальной конструкции ДСС и выявления на этой основе специфических закономерностей, обобщение

которых позволит выявить универсальные положения, применимые для любых возможных в будущем процессуальных договоров.

Вопросам заключения сторонами ДСС, определению его содержания в уголовно-процессуальном законодательстве уделено достаточно внимания. Анализ положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ), доктринальных позиций и правоприменительной практики позволяет сформулировать ряд общих положений, которые могут применяться для регламентации новых видов процессуальных договоров. Назовем некоторые из них:

— обязательства по процессуальному договору предполагают совершение действий в интересах противоположной стороны. Соответственно, процессуальный договор может заключаться только между сторонами обвинения и защиты. Заключение договора между участниками процесса, реализующими в судопроизводстве одну и ту же процессуальную функцию, бессмысленно;

— учитывая, что уголовно-процессуальные отношения носят властный характер, процессуальный договор не может заключаться без участия субъекта, ведущего уголовный процесс. Следовательно, заключение процессуальных договоров между участниками уголовного процесса, не являющимися властными субъектами, например между обвиняемым и потерпевшим (если такие договоры будут предусмотрены уголовно-процессуальным законодательством), должны утверждаться должностным лицом или органом, ведущим уголовный процесс;

— участие субъектов, осуществляющих защиту прав и законных интересов своих подзащитных и доверителей, должно выступать в качестве обязательной процессуальной гарантии законности заключения процессуальных договоров;

— письменная форма процессуального договора может различаться в зависимости от стадии судопроизводства, на которой он заключается. В досудебном производстве такой договор должен составляться в виде отдельного документа, тогда как в ходе судебного производства договорные обязательства сторон допустимо фиксировать в протоколе судебного заседания, с обязательным подписанием сторонами соответствующей части протокола.

Что касается вопросов расторжения (прекращения) ДСС, то здесь уголовно-процессуальное законодательство не дает достаточного материала для формулирования выводов, которые могли бы носить универсальный характер и распространяться на все возможные в будущем процессуальные договоры. Законодательная регламентация, содержащаяся в ст. 317.4 и 317.5 УПК РФ, слишком специфична и может дать лишь общее представление об оценке стороной обвинения выполнения обязательств, принятых на себя другой стороной защиты.

Первое, на что необходимо обратить внимание: субъектом изменения или прекращения ДСС является прокурор. Такое положение объясняется тем, что именно прокурор является субъектом, заключающим ДСС со стороны обвинения. По смыслу ч. 4 ст. 317.4 УПК РФ вопрос об изменении или прекращении ДСС решается прокурором после окончания предварительного следствия, когда уголовное дело, по которому заключено ДСС, поступает к прокурору для утверждения обвинительного заключения. Как верно замечает Я. В. Лошкобанова, право обвиняемого на применение ОПСР «является производным от характера результатов соглашения и связано с их положительной оценкой следователем, прокурором и судом» [4, с. 13].

В такой регламентации проявляется черта, как представляется, общая для всех процессуальных договоров: все они должны носить *условный* характер. Применительно к ДСС обязательство стороны защиты оказать содействие органам предварительного расследования является *первичным*. Обязанность прокурора направить уголовное дело в суд с представлением об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по данному уголовному делу является *производной*. Здесь можно наблюдать специфический порядок реализации договорных обязательств властными субъектами. Поскольку всякое полномочие государственного органа или должностного лица превращается в обязанность каждый раз, когда появляются предусмотренные законом основания для его реализации, в конструкции процессуального договора их исполнение носит условный характер: полномочие реализуется в том случае, когда процессуальный оппонент выполняет свои обязательства. Другими словами, исполнение первичного обязательства (стороны защиты) создает фактическое основание для реализации (стороной обвинения) договорной обязанности, имеющей производный характер.

В части 5 статьи 317.4 УПК РФ предусмотрено вынесение прокурором постановления о прекращении действия ДСС в случае выявления данных, свидетельствующих о несоблюдении подозреваемым или обвиняемым условий и невыполнении им обязательств, предусмотренных таким соглашением. По смыслу, придаваемому данному положению в ведомственных нормативных актах Генеральной прокуратуры Российской Федерации, постановление о прекращении действия ДСС выносится до окончания предварительного следствия (т. е. до направления уголовного дела прокурору). Если же данные о несоблюдении обвиняемым условий и невыполнении обязательств, предусмотренных ДСС, выявляются в период выполнения прокурором требований ст. 221 УПК РФ, то последний выносит постановление об отказе во внесении представления, предусмотренного ст. 317.5 УПК РФ¹.

Полагаем, что постановление является оптимальной формой для вынесения решения о прекращении действия ДСС, поскольку обеспечивает возможность изложения оснований и мотивов принятого решения, что является необходимым условием для его обжалования и последующей проверки.

Однако инициатива прекращения действия ДСС может исходить и от подозреваемого или обвиняемого. В юридической литературе отмечается, что прокурор в случае получения от обвиняемого соответствующего заявления обязан проверить его добровольность и участие адвоката в его составлении [5]. Думается, что и в подобных ситуациях прекращение действия ДСС должно оформляться постановлением прокурора с изложением основания принятого решения (заявление подозреваемого или обвиняемого) и результатов проверки законности при выражении стороной защиты волеизъявления.

Наличие у прокурора полномочия прекратить ДСС в период производства предварительного следствия ставит вопрос о роли, которую должен играть в принятии данного решения следственный орган. В настоящее время законодатель не относит ни следователя, ни руководителя следственного органа к числу субъектов заключения ДСС. Такое положение вызывает возражения, поскольку

¹ Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам: приказ Генпрокуратуры РФ от 15 марта 2010 г. № 107 // Законность. 2010. № 6. С. 57.

именно орган предварительного следствия является по ДСС основным «выгодоприобретателем» на этапе расследования, а значит, руководитель такого органа должен непосредственно участвовать в обсуждении его условий и обязательств, принимаемых на себя стороной защиты. Очевидно, что и оценку сотрудничеству подозреваемого или обвиняемого, степени выполнения им своих обязательств по ДСС в ходе предварительного расследования должен давать прежде всего следственный орган.

В связи с этим в юридической литературе высказываются различные варианты регламентации участия следователя в прекращении ДСС. Во-первых, предлагается наделить следователя полномочием обращаться к прокурору с требованием расторжения ДСС [6; 7]. Е. Л. Федосеева при этом полагает, что в случае уклонения либо невыполнения подозреваемым или обвиняемым условий ДСС следователю надлежит составить письменное уведомление и направить его прокурору вместе с подтверждающими документами [8]. По мнению А. В. Травникова, следователю надлежит составлять мотивированное постановление о ходатайстве расторжения соглашения и направить его прокурору [5]. Во-вторых, высказывается мнение о том, что по окончании предварительного следствия именно следователь должен на основе оценки вклада обвиняемого в раскрытие и расследование преступления давать заключение о выполнении им условий ДСС. Л. Т. Ульянова считает, что следователь, а не прокурор должен выносить представление о соблюдении обвиняемым условий и выполнении обязательств, предусмотренных заключенным с ним ДСС, которое надлежит вместе с уголовным делом направлять прокурору [9]. По мнению Т. Б. Саркисяна и Е. Л. Федосеевой, о выполнении обвиняемым условий ДСС следователь должен указывать в обвинительном заключении [8;10].

Полагаем, что высказанные позиции, несмотря на их различия в деталях, являются вполне обоснованными. Руководитель следственного органа должен не только стать полноправным субъектом заключения ДСС, но и обладать полномочием инициировать прекращение ДСС до окончания предварительного следствия, направляя прокурору соответствующее представление. Кроме того, именно руководитель следственного органа должен составлять представление о соблюдении обвиняемым условий и выполнении обязательств, предусмотренных заключенным с ним ДСС. Адресатом такого представления должен быть проку-

рор, которому на основании этого процессуального документа, а также результатов личного изучения им в порядке ст. 221 УПК РФ материалов поступившего уголовного дела предстоит вынести постановление о прекращении ДСС либо же представление об ОПСР, предусмотренное ст. 317.5 УПК РФ.

Сама возможность одностороннего отказа от исполнения ДСС должна оцениваться исходя из того, по чьей инициативе прекращается действие соглашения. В том, что обвиняемый может в любой момент отказаться от дальнейшего сотрудничества, нет никакого противоречия: до назначения наказания, по правилам ч. 5 ст. 317.7 УПК РФ, обвиняемый не получает взамен своего сотрудничества ничего. Поэтому в вопросах продолжения сотрудничества подозреваемый или обвиняемый может руководствоваться личными интересами и соображениями целесообразности.

Иное дело сторона обвинения. Прокурор не вправе отказываться от исполнения своих обязанностей по ДСС произвольно или исходя из соображений целесообразности продолжения сотрудничества. Именно по этой причине законодатель четко указывает основания для прекращения действия ДСС прокурором (ч. 5 ст. 317.4 УПК РФ). Этот властный субъект может выйти из соглашения только при наличии данных, указывающих на несоблюдение стороной защиты условий ДСС или невыполнение ею принятых на себя обязательств. Понятно, что стороны могут расходиться в оценке степени исполнения обязательств, принятых на себя подозреваемым или обвиняемым в связи с заключением ДСС, или соблюдения его условий. В случае, когда сторона защиты оказывала активное содействие расследованию, выносимое прокурором решение о прекращении ДСС или об отказе во внесении представления, предусмотренного ст. 317.5 УПК РФ, может существенно затронуть права подозреваемого или обвиняемого. Единственным реальным способом защиты прав указанных участников уголовного процесса в данном случае является возможность обжалования решения прокурора.

Как уже было сказано выше, обязанность прокурора направить уголовное дело в суд с представлением, предусмотренным ст. 317.5 УПК РФ, является производной от исполнения стороной защиты своих обязательств по ДСС. Безупречное соблюдение подозреваемым или обвиняемым условий и выполнение обязательств, указанных ДСС, является ничем иным, как фактическим основанием вынесения прокурором представления в соот-

ветствии со ст. 317.5 УПК РФ. Появление такого основания преобразует право прокурора в обязанность, которую он должен неукоснительно выполнить. Следовательно, решение прокурора о прекращении ДСС или об отказе во внесении представления согласно ст. 317.5 УПК РФ вполне поддается проверке на предмет законности и обоснованности не только вышестоящим прокурором, но и судом.

В главе 40.1 УПК РФ о возможности обжалования рассматриваемых решений прокурора ничего не сказано, в связи с чем в юридической литературе высказываются предложения прямо закрепить в законе право заинтересованных лиц обжаловать постановление прокурора вышестоящему прокурору [4; 5]. Представляется, что в этом нет большой необходимости, поскольку возможность обжалования таких решений вытекает из общих положений ст. 123 и 124 УПК РФ. К слову, пунктом 1.16 упомянутого приказа Генеральной прокуратуры Российской Федерации предусмотрена обязанность прокуроров направлять копии постановлений о прекращении ДСС или об отказе во внесении представления, предусмотренного ст. 317.5 УПК РФ, обвиняемому и его защитнику с разъяснением порядка обжалования.

Что касается участия суда в контроле за законностью и обоснованностью прекращения ДСС по инициативе прокурора, то по этому вопросу высказываются различные мнения. В частности, некоторые исследователи предлагают установить судебный порядок расторжения ДСС в тех случаях, когда подозреваемый или обвиняемый против этого возражают [11; 12]. В качестве возражения против установления такого порядка К. Ф. Багаудинов указывает на то, что такая деятельность противоречила бы роли суда в уголовном судопроизводстве, втягивала бы суд в оценку доказательств, что, по мнению автора, является недопустимым [13]. Думается, установление судебного порядка расторжения ДСС нецелесообразно по иным причинам. В оценке судом доказательств при проверке законности и обоснованности принимаемого прокурором решения нет ничего выходящего за пределы процессуальной функции правосудия. Другое дело, что такой порядок прекращения действия ДСС неизбежно усложнил бы процесс, поскольку потребовал бы установления дополнительных процедур, направленных на выяснение отношения подозреваемого или обвиняемого к принимаемому решению, заявление им возражений, направления материалов в суд и пр. Как представляется, обжалование постановления прокурора о прекращении ДСС или об отказе во внесении представления в соответствии

со ст. 317.5 УПК РФ, в порядке судебного контроля обеспечивает не меньше процессуальных гарантий, но при этом является более экономным, поскольку не предполагает необходимости загромождения досудебного производства дополнительными процедурами.

Вместе с тем в судебной практике имеются примеры отказа стороне защиты в судебном обжаловании постановления прокурора об отказе во внесении представления, предусмотренного ст. 317.5 УПК РФ. Суды при этом руководствуются разъяснением, которое дано в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 1¹, согласно которому «не подлежат обжалованию в порядке ст. 125 УПК РФ решения и действия (бездействие) должностных лиц, полномочия которых не связаны с осуществлением уголовного преследования в досудебном производстве по уголовному делу». Так, судья Лысьвенского городского суда Пермского края вынес постановление об отказе в принятии к рассмотрению жалобы защитника, поданной в порядке ст. 125 УПК РФ, сославшись на то, что заявитель оспаривает вопросы, непосредственно не связанные с осуществлением уголовного преследования на стадии досудебного производства. Данное решение оставлено судом апелляционной инстанции без изменения, а апелляционная жалоба защитника — без удовлетворения². По логике правоприменителя, решение прокурора о прекращении действия ДСС принимается в рамках надзорной деятельности, однако в действительности это не так. Следует иметь в виду, что на этапе изучения прокурором материалов уголовного дела, поступившего с обвинительным заключением, происходит изменение его процессуальной функции: утверждая обвинительное заключение, прокурор принимает на себя исполнение функции уголовного преследования и с этого момента уже не осуществляет надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия [14]. Согласно ч. 1 ст. 317.5 УПК РФ представление об особом порядке проведения судебного заседания и вынесении судебного

¹ О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 1 // Российская газета. 2009. 18 февр.

² Апелляционное постановление Пермского краевого суда от 8 февраля 2018 г. № 22К-788/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/IAwR2MTKV66Y/> (дата обращения: 16.01.2025).

решения по данному уголовному делу прокурор выносит только в случае утверждения обвинительного заключения. Соответственно, приведенное выше разъяснение Пленума Верховного Суда Российской Федерации на случаи обжалования отказа прокурора во внесении постановления, предусмотренного ст. 317.5 УПК РФ, не распространяется. Кроме того, разногласия между стороной защиты и обвинения относительно решения, существенно затрагивающего права и законные интересы обвиняемого, не могут разрешаться только вышестоящим прокурором. Такое положение противоречило бы принципу состязательности и равноправия сторон, нарушая ключевую для состязательного процесса максиму «*neto iudex in causa sua*». В связи с этим, полагаем, прав Г. В. Абшилава: «Постановление прокурора о прекращении соглашения, отказ от внесения представления и другие решения органа предварительного расследования, в которых содержится решение о выходе из соглашения или негативной оценке действий обвиняемого по выполнению своих обязательств по соглашению, могут быть

обжалованы стороной защиты в порядке ст. 125 УПК РФ» [3, с. 138].

Подведем итоги. Все процессуальные договоры должны носить условный характер. Это означает, что обязательства одной из сторон будут первичными, а второй — производными. Исполнение первичного обязательства служит основанием для исполнения производного обязательства, т. е. договорное обязательство превращается в процессуальную обязанность. Из этого следует, что сторона первичного обязательства может в любой момент отказаться от исполнения процессуального договора, тогда как отказ от исполнения производного обязательства не может иметь произвольный характер. В случае исполнения первичного обязательства отказ второй стороны от исполнения договора следует расценивать как уклонение от исполнения процессуальной обязанности, т. е. как ее нарушение. Вследствие этого необходимо установление процессуального контроля за исполнением процессуального договора субъектом производной обязанности, включая возможность судебного обжалования вынесенного решения.

1. Дикарев И. С. Обеспечение прав потерпевшего при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 1. С. 196–202.

2. Колесник В. В. Концепция договорных отношений в примирительных, ускоренных и согласительных процедурах уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Пермь, 2024. 575 с.

3. Абшилава Г. В. Уголовно-процессуальная сделка как результат конвергенции частного и публичного права // Библиотека криминалиста. 2012. № 3. С. 130–141.

4. Лошкобанова Я. В. Обеспечение прав и законных интересов подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2015. 228 с.

5. Травников А. В. Уголовно-процессуальные проблемы, возникающие при заключении, изменении и расторжении досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовным делам о преступлениях террористической направленности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 4 (80). С. 108–113.

6. Эдилова П. В. Соглашение о сотрудничестве с обвиняемым в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2017. 245 с.

1. Dikarev I. S. Ensuring the rights of the victim while concluding a pre-trial agreement on cooperation. *Legal State: Theory and Practice*, 196—202, 2024. (In Russ.).

2. Kolesnik V. V. The concept of contractual relations in reconciling, accelerated and compromising procedures of criminal proceedings. *Dissertation of doctor of juridical sciences*. Perm; 2024: 575. (In Russ.).

3. Abshilava G. V. Criminal procedural deal as a result of convergence of private and public law. *Library of criminalist*, 130—141, 2012. (In Russ.).

4. Loshkobanova Ya. V. Ensuring the rights and legitimate interests of the suspect, the accused and the victim while concluding a pre-trial agreement on cooperation. *Dissertation of candidate of juridical sciences*. Krasnodar; 2015: 228. (In Russ.).

5. Travnikov A. V. Criminal procedural problems arising while concluding, modifying and terminating a pre-trial agreement on cooperation in criminal cases of terrorist offences. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta MVD Rossii*, 108—113, 2018. (In Russ.).

6. Edilova P. V. Agreement on cooperation with the accused in criminal proceedings. *Dissertation of candidate of juridical sciences*. Moscow; 2017: 245. (In Russ.).

7. Багаутдинов К. Ф. Роль и полномочия следователя в заключении и реализации досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовное судопроизводство. 2018. № 2. С. 27–32.

8. Федосеева Е. Л. Особый порядок уголовного судопроизводства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2014. 24 с.

9. Ульянова Л. Т. Субъекты досудебного соглашения о сотрудничестве // Российский следователь. 2010. № 15. С. 42–45.

10. Саркисян Т. Б. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве и их применение в стадии предварительного расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. 25 с.

11. Пиюк А. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве: нерешенные вопросы // Российская юстиция. 2012. № 11. С. 57–59.

12. Иванов А. А. Теоретические и организационно-правовые аспекты реализации института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. 25 с.

13. Багаутдинов К. Ф. Досудебное соглашение о сотрудничестве: актуальные проблемы оптимизации механизма реализации и совершенствования процессуального статуса его участников: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2020. 224 с.

14. Дикарев И. С. Спорные вопросы организации досудебного производства по уголовным делам // Российская юстиция. 2016. № 5. С. 27–30.

Дикарев Илья Степанович,

профессор кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
директор института права
Волгоградского государственного
университета,
доктор юридических наук, доцент;
iliadikarev@volsu.ru

7. Bagautdinov K. F. The role and powers of the investigator while concluding and implementing a pre-trial cooperation agreement. Criminal Procedure, 27–32, 2018. (In Russ.).

8. Fedoseeva Ye. L. Special procedure of criminal proceedings while concluding a pre-trial agreement on cooperation. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Yekaterinburg; 2014: 24. (In Russ.).

9. Uliyanova L. T. Subjects of pre-trial agreement on cooperation. Russian investigator, 42–45, 2010. (In Russ.).

10. Sarkisyan T. B. Conciliation procedures in criminal proceedings and their application at the stage of preliminary investigation. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Krasnodar; 2012: 25. (In Russ.).

11. Piyuk A. V. Pre-trial agreement on cooperation: unresolved issues. Russian Justice, 57–59, 2012. (In Russ.).

12. Ivanov A. A. Theoretical and organizational-legal aspects of the implementation of the institute of pre-trial cooperation agreement in the Russian criminal process. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Chelyabinsk; 2013: 25. (In Russ.).

13. Bagautdinov K. F. Pre-trial agreement on cooperation: topical problems to optimize the mechanism of implementation and improve the procedural status of its participants. Dissertation of candidate of juridical sciences. Nizhny Novgorod; 2020: 224. (In Russ.).

14. Dikarev I. C. Disputable issues of the organization of pre-trial proceedings in criminal cases. Russian Justice, 27–30, 2016. (In Russ.).

Dikarev Iliya Stepanovich,

professor at the department of criminal procedure
of the educational and scientific complex
for the preliminary investigation
in the internal affairs bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
director of the law institute
of the Volgograd State University,
doctor of juridical sciences, docent;
iliadikarev@volsu.ru

Статья поступила в редакцию 26.01.2025; одобрена после рецензирования 04.02.2025; принята к публикации 14.02.2025.

The article was submitted 26.01.2025; approved after reviewing 04.02.2025; accepted for publication 14.02.2025.

* * *